

1 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНА.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

1.1 Науки о термине

Изучением термина, терминосистемы, терминологии занимаются две дисциплины – терминоведение и терминография.

В настоящий период развития НТР среди неологизмов преобладают единицы, выражающие специальные понятия, то есть термины. Термины составляют абсолютное большинство новых слов: по разным данным от 80% (Sen'ko, 1994, s. 79) до 90% (Lipatov, 1993, s. 4). Это позволило лингвистам назвать данный процесс «терминологическим взрывом» (Grinev, 1993, s. 9).

Терминологизация языка – объективный процесс, суммирующий влияние нескольких факторов: научно-технической революции; развития СМИ; особенностей самого общественного строя. По данным Н. П. Романовой, в 30-е годы (период становления отечественного (советского – прим. О. Б.) терминоведения) вышло всего 11 работ по терминологии, в 50-е годы – 44, в 60-е годы – уже 480. В 80-е же годы количество терминологических трудов превысило 3000 (Komarova, 1991, s. 134). В 90-е годы эта цифра еще более возросла, особенно в отечественном терминоведении, так как русский язык обогатился лексикой нескольких новых отраслей. За последнее десятилетие, по нашим подсчетам, только в России было опубликовано не менее 1000 терминологических работ (Kas'janov, 2001).

Возникновению терминоведения как особой отрасли знания предшествует период накопления специальных слов, обслуживающих научную и техническую области. Для большинства стран Европы такой период

терминотворчества начался в эпоху Возрождения, когда происходило становление и развитие многих наук, чьи терминологические системы складывались стихийно. Считается, что именно к этому периоду относится появление понятий «термин» и «терминология».

Зарождение терминоведения как отдельной науки в Европе связано с именем австрийского ученого Ойгена Вюстера. В 1931 г. он написал докторскую диссертацию *Международное нормирование речи в технике и электронике*, в которой отмечал, что следует отдавать предпочтение греческим и латинским основам при выделении терминов из лексикосферы национального языка. При этом основным понятием терминоведения выступал «консерт» (понятие) как идея о чем-либо, который превалировал над термином, а сам термин был недостаточно освещен в данной теории. Позднее О. Вюстер стал основателем Венской терминологической школы и международной терминологической организации «ИНФО-ТЕРМ». «Анализируя концепции Вюстера и его теории, следует отметить основные отличительные черты, а именно: необходимость определения средств стандартизации; тщательный контроль развития (планирования, унификации, стандартизации) терминов; приоритетность международной формы знака. Теоретическая работа Вюстера основывалась на изучении технических терминов – стандартизированных технических лексем, отображающих определенные концепты. Теория Вюстера была разработана для удовлетворения межъязыковых потребностей, а не для того чтобы показать всю глубину и вариативность терминологии. (...) она стала именно той основой, на которой данная дисциплина развивалась дальше» (Chakimova, 2012).

Среди зарубежных исследователей терминоведения следует отметить Дж. А. Фодора, Г. Фельбера, Р. Джекендофа, А. Рея, Дж. Сейгера и др. В Европе отношение к статусу терминоведения двояко, ведь эта наука «была до некоторой степени запущенной областью лингвистики. Но не случайно языковеды долгое время уделяли терминологии так мало внимания. Ведь ее изучение основано на принципах, лежащих в значительной мере за пределами компетенции традиционного лингвиста» (Achmetova, 2014).

70-е годы отмечены интересом к терминологии и в Польше. Зигмунт Стоберски, известный польский эссеист, критик, ученый и переводчик, создал Международную организацию по унификации терминологических неологизмов (далее МОУТН). Его деятельность связана со сбором и публикацией в разных журналах терминов на 20 европейских языках, особое внимание он обращал на термины-интернационализмы. З. Стоберски написал несколько книг, в том числе *Международная научная терминология. Проблемы, постулаты, ожидания* (Варшава, 1982, на польском

языке), *Жить и выжить для блага науки* (Варшава, 1991, на польском и английском языках: *To live and to survive*), он высказал ряд плодотворных идей, например, о том, что авторство новых терминов, создаваемых современными учеными, должно охраняться законами и др. Уже более 30 лет в Варшаве выходит международный журнал *Neoterm*.

В 2002 г. МОУТН, созданная З. Стоберским, была преобразована в Международную организацию специальной терминологии (МОСТ) и были сформированы ее отделения-секретариаты на пяти континентах. Сам З. Стоберски стал почетным президентом МОСТ. Европейский секретариат возглавила лингвист из Словении доктор наук Мариетта Хумар, азиатский – российский лингвист из Омска, профессор Л. Б. Ткачева (Lejčik, 2003).

Традиционно выделяется несколько терминологических школ. В 1993 г. Герберт Пичт и Кристер Лорен сравнили основные концепции терминоведения в рамках ведущих школ: венской, советской, пражской, канадской, немецкой и скандинавской. Ученые сделали вывод, что все эти школы имели схожие взгляды на теорию терминоведения, а существенное отличие заключалось в том, что написаны они на разных языках и применены к разным отраслям науки (Achmetova, 2014).

1.2 История русского терминоведения

Зачатки российского терминоведения уходят корнями в XVIII – начало XIX в., когда в сочинениях М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина стали формироваться терминосистемы отдельных наук, начали закладываться принципы построения и отбора русских терминов различных гуманитарных и естественных наук, а в первых словарях специальной лексики термины подвергались систематизации. Однако выделение терминоведения как самостоятельного направления науки происходит в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в.

До второй половины XX века исследование термина как особой единицы языка проходило в рамках лексикологии. Но уже с 30-х гг. стали появляться предпосылки для формирования новой отрасли знаний, а в конце 60–70 гг. появились две новые научные дисциплины, объектом изучения которых стал термин, – терминоведение (название предложено В. П. Петушковым и Б. Н. Головиным в 1967 г.) и терминография (название дано А. Д. Хаютиным в 1971 г.). Одним из первых по-научному подошел к проблеме А. А. Реформатский, проблемами термина и терминологии занимались такие языковеды, как В. В. Виноградов, В. П. Даниленко, А. С. Герд, С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик, А. И. Моисеев,

Л. Л. Кутина, В. П. Петушков, В. А. Татаринов, С. Д. Шелов и др. Большой вклад в развитие терминоведения внесли ученые нижегородской (горьковской) школы Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин.

Основоположниками российской школы терминологии считаются Д. С. Лотте, Г. О. Винокур, А. А. Реформатский.

Начало терминологической деятельности в качестве самостоятельного научного направления в отечественном (русском – прим. О. Б.) терминоведении можно датировать 1931 г., что связано с публикацией первой концептуальной статьи Д. С. Лотте по проблемам унификации и стандартизации технической терминологии *Очередные задачи научно-технической терминологии*. Основное внимание Д. С. Лотте, которого считают основателем российской терминологической школы, было уделено вопросам стандартизации терминов, проблемам терминотворчества, вопросам заимствования терминологической лексики, созданию понятийно-терминологических систем и проблемам перевода научно-технических терминов. Российские лингвисты Г. О. Винокур, А. А. Реформатский также внесли весомый вклад в историю становления отечественной терминологической школы и терминоведения как науки. Большую роль в этой области сыграла работа Г. О. Винокура *О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии*. Г. О. Винокуром рассмотрены вопросы, которые и сегодня находятся в фокусе языковедческого анализа, а именно, вопросы о лингвистической сущности термина, природе и формировании терминологий, соотношениях между номенклатурой и терминологией (Chakimova, 2012).

С научной точки зрения, русская терминологическая школа соединяет в себе логический, лингвистический и философский подходы с определенной тенденцией к преобладанию философско-логического направления. Изучение содержания предметной области соединяется здесь с определенным вниманием к лингвистической форме и распределению терминов в текстах (Tatarinov, 1999, s. 209).

В 70–80 гг. XX в., когда за терминоведением закрепился статус самостоятельной дисциплины, в русской терминологической школе появляются разные направления. В крупнейших городах, чаще всего при университетах, начинают складываться целые группы специалистов, занимающихся терминами. Если подобную работу возглавляют ученые-лингвисты, то можно говорить о возникновении определенной терминологической школы. Перечислим некоторые из них: московская школа (связана с именем О. С. Ахмановой, к школе часто относят таких терминоведов, как П. Н. Денисов, В. М. Лейчик, В. Н. Прохорова, П. В. Веселов, С. В. Гринев, В. А. Татаринов, Ю. Н. Марчук, В. Ф. Новодранова, Н. Б. Гвишиани, М. М. Глушко, А. Д. Хаютин, К. Я. Авербух, Л. А. Морозова и др.),

горьковская (нижегородская) школа во главе с Б. Н. Головиным, (Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, В. Н. Немченко, Е. В. Маринова и др.), ленинградская (санкт-петербургская) школа во главе с А. С. Гердом и Р. Г. Пиотровским (Ф. П. Сорокалетов, Е. Д. Коновалова, Е. И. Чупилина, Н. З. Котелова и др.), челябинская (уральская) школа во главе с Л. А. Шкатовой, омская школа во главе с Л. Б. Ткачевой (З. И. Комарова, Л. М. Алексеева, Е. О. Голованова, В. Д. Табанакова, С. Л. Мишланова и др.), воронежская школа (С. З. Иванов, Е. С. Анюшкин, В. А. Васютин, Г. А. Муштенко, В. К. Курчаева, В. В. Гладких и др.). Есть ученые, не примкнувшие к какой-либо школе, среди них – В. П. Даниленко, А. А. Реформатский, Е. Н. Толикина, Л. А. Капанадзе, Т. Л. Канделаки, В. В. Морковкин, Л. Л. Кутина, Е. И. Чупилина, А. И. Моисеев.

1.3 История чешского терминоведения

Если обратиться к истории терминов в истории чешского языка и основным этапам терминологической работы, то можно отметить, что первые термины появились достаточно давно. Традиционно появление терминов в европейских странах связывают с развитием ремесел, а также с принятием и развитием христианства. Первые термины фиксировались в латинских словарях в виде глос (*Mater verborum*, XIII век, 300 терминов), но начало терминологической лексикографической работы связывают с XIV веком (*Словари Кларета*), особый интерес для лингвистов представляет *Vokábulář gramatický*, в котором встречаются первые грамматические термины на чешском и латинском языке.

Большое влияние на развитие и формирование чешской терминологии оказало чешское национальное возрождение и в первую очередь работы Йозефа Юнгманна, главным образом его пятитомный *Чешско-немецкий словарь* (1834–1839). Именно с именем Юнгманна связана разработка литературоведческой и лингвистической терминологии в чешском языке.

Но теоретических исследований на чешском языке о термине и терминологии долгое время не было. В 1853 году вышел *Немецко-чешский словарь научной терминологии*, изданный комиссией, председателем которой был П. Й. Шафаржик. М. Рoudný пишет, что «В этом словаре мы в статье *Terminus* найдем синонимы *выражение*, *техническое выражение* и чешский эквивалент *название*. В *Чешско-немецком словаре* Котта (1884 г.) у заголовка статьи *termin-us* указаны чешские синонимы *название*, *выражение*, *слово*» (Roudný, 1977).

В начале XX века терминологией систематично занималось объединение, известное под названием *Česká matice technická*, позже терминологиче-

ская работа продолжалась в рамках отдельных комиссий разных институтов: *Česká akademie technická*, *Česká akademie zemědělská*, *Elektrotechnický svaz*, *Matice lesnická*, *Svaz výzkumných ústavů zemědělských*, а также *Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR*. Вопросами лингвистической терминологии стала заниматься специальная *Международная комиссия при Международном комитете славистов*, особую роль в этой комиссии играли именно чешские терминологи. С точки зрения языкознания годы с 1911 по 1935 были особо важными для чешской (чехословацкой) лингвистики. Именно тогда появились три лингвистических журнала *Časopis pro moderní filologii* (1911), *Naše řeč* (1916) и *Slovo a slovesnost* (1935). В них появились основные идеи функционального подхода к языку, сформулированные Вилемом Матезиусом, а Богуслав Гавранек предложил размышления о функциональном языке (стиле) и о терминологии.

В 1935 году начал выходить *Краткий словарь чешского языка*, с этим фактом связано появление теоретических рассуждений о терминологии. В том же году в журнале *Slovo a slovesnost* вышла статья Л. Копецкого *O lexikálním plánu hospodářského jazyka*. В ней Л. Копецкий опирается на статью Б. Гавранека *Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura* из сборника *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932), в которой хотя и не указана дефиниция термина, но зато приводится очень взвешенное рассуждение о качествах профессиональных выражений. В соответствии с этими рассуждениями Л. Копецкий дает первое настоящее определение термина, сформулированное на чешском языке (Roudný, 1977). После возникновения *Пражского лингвистического кружка* возникла острая дискуссия между радикальным пуризмом и функциональным пониманием языка, что привело к развитию теории языковой культуры и литературности чешского языка. Применение функционального и структурного подходов дало возможность полноправно изучать и описывать так называемые специальные языки, в рамках которых особое внимание уделялось терминам, как одной из сложнейших составляющих. Интерес к терминологии активизируется в 60-ые гг. Появляются пять выпусков Чехословацкого терминологического журнала *Československý terminologický časopis*, шесть томов периодического издания *Terminologické studie*, а в Либерце выходят сборники *TERMINA*.

Пик терминологической деятельности, интереса к вопросам теории термина в Чехии (Чехословакии) пришелся на 50–80 гг. XX века, он и связан с именами таких ученых, как Богуслав Гавранек, Карел Сохор, Йозеф Филипец, Карел Гаусенблас, Алоис Йедличка, Бела Поштолкова, Мирослав Родны, Антонин Тейнор.

В настоящее время на чешском языке практически не публикуются работы, посвященные именно теоретическим проблемам терминоведения,

в то время как в России и в 2000-х годах вышли крупные теоретические труды по данной тематике. Однако надо заметить, что в Чехии ведется активная терминографическая работа, издаются новые словари, связанные с конкретными областями знаний, отраслями и пр., например, словарь библиотечной и книжной терминологии, многоязычный словарь лингвистической терминологии. Важной работой для терминографов является одна из глав книги *Manuál lexikografie*, эта глава под названием *Terminografie* написана Сватавой Маховой, в ней подробным образом описано, от чего следует отталкиваться при терминографической работе, рассмотрены источники терминов, сбор терминологической информации и ее распространение, актуализация терминографической информации, управление развитием терминологической информацией, терминологические базы данных. Марие Чехова с коллективом авторов написала книгу *Současná stylistika* (в 2008 г. вышло четвертое издание), где в главе, посвященной научному стилю, также раскрывается терминологическая проблематика. В последние годы намечается небольшая тенденция к возрастанию работ практической терминологической тематики в рамках Института славистики Университета им. Масарика, так, например, диссертация Либуше Адамцовой, описывающая электротехническую терминологию в русском языке, диссертация Оксаны Газдешовой, посвященная юридической терминологии в чешском и украинском языках, работы Станислава Оплатека об археологических терминах, ряд дипломных работ на стыке переводоведения и терминоведения.

Русская и чешская терминологические школы во многом перекликаются, имеют много общего, можно сказать, что в 30–80 гг. XX века они взаимобогащались. Тем не менее можно отметить несколько отличий.

1. В русской традиции учение о терминах обычно рассматривается в рамках лексикологии и лексикографии, тогда как в чешских работах информацию о терминах можно найти скорее в трудах, посвященных **стилистике** чешского языка. Термин в чешской традиции связан с определенным функциональным стилем речи – *odborný styl* (научный стиль), и это отражено и одним из названий термина (и терминологии) – *odborný termín (odborné názvosloví)*.
2. Различия в терминологическом аппарате проявляются в следующем: в русском языке используется только термин *термин*, в чешском языке возможно использование *termín* и *terminus technicus*. Для обозначения совокупности терминов определенной области в русском языке используются термины *терминология* и *терминосистема* (некоторые терминоведы считают их синонимами, некоторые разводят эти понятия), в чешском языке используется термин *terminologie*, в отдельных редких чешских статьях встречаются названия

terminologický systém и *terminologická soustava*, но все эти статьи написаны с опорой на русскую литературу, по-видимому, авторы статей просто переводили русский термин, но он не прижился и современными терминоведами не используется. В чешской традиции активно используется термин *odborné názvosloví*, это термин с достаточно прозрачной мотивацией, он выполняет не только назывную функцию, но и дефинирующую, указывая на то, что терминология – это специальные (профессиональные) наименования. Для обозначения науки, изучающей термины, в русском языке используются названия *терминология* и *терминоведение*. В чешском языке им соответствует только один термин *terminologie*, он интернациональный, удобный, но многозначный. От названия дисциплины образуются названия специалистов, поэтому в русском языке есть два синонимичных названия *терминолог* и *терминовед*, в чешском только одно – *terminolog*. Для обозначения совокупности конкретных единиц, называющих конкретный объект, явление, в русском языке используется заимствованный термин *номенклатура*, в чешском языке ему соответствует собственно чешское *názvosloví*. Еще один термин, который достаточно активно используется в русских терминоведческих работах, – *терминологическое поле*. В чешских работах термин *terminologické pole* нам не встретился.

3. В Чехии преобладают работы прикладного терминографического характера, в России активность исследователей направлена как на терминологические, так и на терминографические аспекты работы с термином.

1.4 Сопоставительное терминоведение

1.4.1 История возникновения и развития сопоставительного терминоведения

Лексика языка – это зеркало культуры, национального менталитета, картины мира. Различия между лексическими средствами ярче всего выступают в различиях между лексическими системами, в специфике отношений, связывающих лексические единицы между собой. Поэтому проблема сопоставления (в особенности системного) терминологий для повышения качества перевода терминов (а также для других прикладных задач) приобретает все большую актуальность, и не случаен постоянный интерес переводчиков и терминоведов к установлению

надежных эквивалентов терминов в переводных словарях специальной лексики.

После выделения терминоведения в отдельную науку стали появляться разные направления (когнитивное терминоведение, когнитивно-дискурсивное терминоведение, прикладное терминоведение и др.). Одной из быстроразвивающихся отраслей стало сопоставительное терминоведение. По данным С. В. Гринева, к концу 1990-х гг. в России было написано свыше 50 диссертационных работ, сегодня – свыше 250. В 1988 г. защищена докторская диссертация, в которой формулируются теоретические основы новой дисциплины, определяются ее объект и предмет изучения, направления исследований и набор применяемых методов (Grinev, 2017).

Последняя четверть XX в. в России – период становления нового теоретического направления – сопоставительного терминоведения как науки о межъязыковых соответствиях терминов в двух языках. Сопоставительно-терминологическое направление занимает промежуточное положение между сопоставительной лингвистикой, терминоведением и теорией перевода. Основой лингвистического сопоставления в данном случае являются общие и различные признаки терминосистем в двух или более языках, а также выявление взаимосвязей в разноязычных терминологиях, для чего необходимо проникновение в сущность каждой терминологической системы. Как правило, сопоставление производится между двумя языками, зачастую это родственные языки, потому что именно на фоне сходств отчетливо проступают различия.

Сопоставительное терминоведение, появившись в рамках типологического терминоведения, направлено на сравнительное исследование общих свойств и особенностей специальной лексики разных языков. Сопоставительное терминоведение имеет с перечисленными выше отраслями лингвистики общий объект – терминологию, однако изучает этот объект несколько в ином плане. Так, терминоведение в основном занимается упорядочением и унификацией терминосистем. Теория перевода изучает переводческие трансформации и межъязыковые соответствия в целом, не заостряя внимание на особенностях функционирования терминологии в тексте, которое отличается от функционирования обычных слов. Сопоставительная лингвистика при анализе языковых систем ориентируется на уровне языковой иерархии, тогда как терминология сама по себе является организованной подсистемой языка, представленной не только на лексическом уровне (Citkina, 1988, s. 137).

1.4.2 Принципы сопоставительного терминоведения

Принципы сопоставительного терминоведения были сформулированы в работах Ф. А. Циткиной и В. М. Лейчика практически одновременно – книги Ф. А. Циткиной выходили, начиная с 1986 года (потом 1987, 1989), *Основные положения сопоставительного терминоведения* – глава в книге В. М. Лейчика, которая была опубликована в 1988 году, далее он продолжил разработку этой темы.

В учебнике Ф. А. Циткиной большое внимание уделено принципам системного сопоставления разноязычных терминологий. При этом справедливо утверждается, что сопоставительный анализ терминологий должен быть обязательно системным. Далее следует перечень этих принципов.

1. Принцип системности объекта. Сопоставлению подвергаются только системы терминов как целостные образования и термины как члены системы.

2. Принцип комплексности. Установление отношений систем должно быть многоаспектным, комплексным, проведенным на лексическом, семантическом и грамматическом уровнях.

3. Принцип сопоставительной системности. Конечной целью должно быть представление отношений между терминосистемами ИЯ и ПЯ (аббревиатуры Ф. А. Циткиной: ИЯ – исходный язык, ПЯ – язык перевода) как системы сходств и различий на всех исследуемых уровнях.

4. Принцип классификационности. Системность сходств и различий должна быть показана их классификацией.

5. Принцип оппозиций. Системное исследование сходств и различий должно обнаружить такие пары теоретико-системных различий, как симметрия – асимметрия, упорядоченность – неупорядоченность, алломорфизм – изоморфизм и др.

6. Принцип параметризации. Выбор параметров сравнимости терминосистем в каждом конкретном случае определяется задачами и материалом исследования, а также потребностями практики.

7. Принцип текстовости. Материал исследования необходимо набирать из сферы функционирования (текстов ИЯ и ПЯ), а не из сферы фиксации (словари и пр.). Поскольку сопоставительное терминоведение предполагает определенные обобщения, установление нормы перевода, оно изучает регулярно повторяющиеся явления, соотносящиеся с системами изучаемых подязыков или являющиеся частью этих систем.

8. Принцип полноты. Сопоставлению должны быть подвергнуты все термины, употребляемые в сплошной текстовой выборке, как те, которые находятся в ядре/периферии специальных терминосистем, так

и термины общенаучные: все они уже по своему вхождению в тексты данной информационной области имеют отношение к специальной лексике и, вследствие динамичности и открытости терминосистем, могут со временем стать их полноправными членами. Но, главное, дистилляция терминологии принципиально противоречит ориентации сопоставительного терминоведения на перевод, на потребителя-переводчика специальных текстов, создание терминологических банков, адекватно отражающих языковую реальность данной информационной области.

9. Принцип совмещения качественных и количественных методик. Виды соотношений изучаемых параметров терминосистем должны быть подвергнуты не только качественному, сугубо лингвистическому, но и количественному анализу (Citkina, 1988, s. 39–41).

Большая часть работ в рамках сопоставительного терминоведения носит прикладной характер, но в 2017 году вышла статья С. В. Гринева, посвященная теоретическим проблемам сопоставительного терминоведения. В ней он критикует текстовый подход Ф. А. Циткиной, заявляя, что нельзя ограничиваться сферой функционирования терминов, можно и нужно сопоставлять терминологическую лексику в словарях, аргументируя это тем, что словари также являются текстами. Вторым недочетом он считает неточную формулировку принципа полноты: «В переводные словари включается не только лексика данной предметной области, но и лексика смежных областей, наиболее часто встречающаяся в переводимых текстах, но системные сопоставления предполагают ограничение рамками конкретной предметной области» (Grinev, 2017).

При сопоставлении анализ лексики может проводиться двумя способами. Первый подход заключается в том, что исследователь обращается к сопоставлению отдельных лексем (в нашем случае терминов), имеющих общее происхождение и/или семантику. При втором подходе сравниваются сразу целые лексические подсистемы (применительно к терминологии речь идет о конкретных терминосистемах). В этом случае в поле зрения попадают общие тенденции формирования данных лексических групп и их внутрисистемные характеристики (такие как наличие синонимии, омонимии и др.), а также место соответствующих подсистем в лексической системе языка в целом. Итак, объектом сопоставительного терминоведения являются как терминосистемы в целом, так и отдельные терминологические пары.

1.5 Термин в современном терминоведении

Стремительное развитие науки и техники в XX веке спровоцировало огромный интерес к той части языка, которая обслуживает эти области знаний. Освоение любой научной области всегда связано с овладением соответствующей терминологией, изучением терминов и понятий, которые они отражают.

Количество терминов постоянно увеличивается: «Рост числа терминов различных наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и поэтому в настоящее время число терминов отдельных наук (химии, биологии) может превышать число неспециальных слов языка. При этом, все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык, а терминологические проблемы оказывают все большее влияние на язык в целом, поэтому изучение положения в области специальной лексики становится все более важным для развития языка» (Grinev, 1993, s. 8).

Термины фиксируются и описываются в специальных терминологических словарях, и рост количества словарей свидетельствует о том, как быстро увеличиваются терминосистемы, как актуально их изучение. Значение терминографии в настоящее время трудно переоценить. Впечатляет утверждение о том, что «в мире каждый день публикуется один специальный словарь» (Marčuk, 2007, s. 18).

Наряду с терминами в рамках терминоведения выделяются и изучаются и другие специальные лексические единицы: номены (наименование единичного понятия), профессионализмы (слово или оборот речи, характерные для речи людей какой-либо профессии), профессиональные арготизмы (специальные часто экспрессивные слова, обслуживающие узкие социально-групповые интересы), или профессиональные жаргонизмы (жаргонизмы, которыми пользуется группа людей, объединенных по профессиональному признаку), предтермины (специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину), квазитермины (используются для означивания несформировавшихся понятий, с размытыми категориальными признаками, не отвечают основным требованиям, предъявляемым к терминам, не имеют своего места в терминосистеме и не зафиксированы в специальных словарях), терминоиды (наименования формирующихся понятий), прототермины (наименования специальных представлений), однако в нашей работе мы не будем обращаться к этой проблематике.

Исследование и всестороннее описание терминов представляется несомненно актуальным, так как при этом разрабатывается широкий спектр

проблем: теоретические, методологические, методические, культурологические. Изучение терминов помогает получать информацию как о самом факте существования соответствующих реалий, так и истории цивилизации, развития науки и культуры, народа-носителя данного языка.

«Применительно к современной языковой ситуации можно говорить о своеобразной терминологической экспансии, которую ряд лингвистов определяет как тенденцию к «интеллектуализации лексики», связанную с возрастанием культурологической и коммуникативной роли терминологии. Терминологическая информация обладает свойством открывать перед нами завесу прошлого, учить настоящему и вводить в будущее (...) в качестве носителей специальной информации, термины являются необходимым условием существования, хранения и развития профессионально-научного знания» (Авакова, 2006).

Изучение термина проводится в двух направлениях:

- 1) теоретическое (изучение природы термина, его свойств, создание общей теории термина);
- 2) практическое (унификация терминов и терминосистем, т. е. их упорядочение, стандартизация, редактирование; лексикографическая терминологическая деятельность, перевод терминов, создание терминологических баз данных (ТБД)). Интересно, что в советской, а позже и российской терминоведческой традиции оба направления развиваются достаточно активно, в то время для чешской школы характерен перевес именно в сторону создания словарей.

Для того, чтобы выделить термин, работать с ним, надо определить, что он собой представляет. Это вызывает некоторые затруднения, потому что, несмотря на постоянную работу терминоведов и уже существующую типологию определения термина, до сих пор не существует общепринятой дефиниции термина. В научной литературе достаточно часто приводятся и анализируются русские определения термина. Хрестоматийным стал пример работы В. П. Даниленко, в которой анализируются 19 определений термина.

Проанализировав около 30 русских и чешских определений термина, можем выявить, что разные исследователи выдвигают разные признаки, отличающие термин от не-термина. Некоторые делают упор на номинативную функцию (имена), некоторые ссылаются на то, что именно наличие дефиниции, потребность в ней делают термин термином, во многих определениях отражена связь термина с понятием, которое он обозначает. На примере определений видно, что часто в основу дефиниции термина ложится его качество, свойство. В. М. Лейчик выделяет большие группы таких дефиниций:

- 1) философско-гносеологические определения (подчеркивается, что «с помощью терминов в материальной форме закрепляются результаты познания» (Lejčik, 2006, s. 21), и «термины наряду с другими знаковыми средствами способствуют открытию нового знания» (Lejčik, 2006, s. 21));
- 2) логические определения (делается упор на связь термина с понятием: «термин либо обозначает, либо одновременно и обозначает, и выражает понятие» (Lejčik, 2006, s. 21));
- 3) лингвистические определения. В данной группе четко прослеживаются два направления.

Первое – субстанциональное направление, в соответствии с которым «термин объявлен особым знаком типа математических символов, характеризующихся в плане содержания однозначностью, а в плане выражения – строгой заданностью языковых грамматических структур» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 34). Однако практика показывает: 1) термин может быть как однозначным, так и многозначным (моносемичность – признак идеального термина); 2) общеупотребительные слова (словосочетания), становясь терминами, не изменяются с точки зрения фонетики, словообразования, грамматической структуры.

Второе направление – функциональное, сторонники которого доказывают, что термином может быть практически любое слово, но в особой функции – оно должно обозначать профессиональное или научное понятие: «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции» (Vinokur, 1939, s. 5). Т. е. особенность термина заключается в обязательной специфичности в плане его содержания, а специфичность в плане выражения вовсе не обязательна (Golovin, Kobrin, 1987, s. 34). К настоящему моменту большинство лингвистов являются сторонниками именно такого подхода к проблеме внутренней природы термина.

Однако чтобы дать определение любому понятию, надо указать его родо-видовые отличия, т. к., чтобы определить предмет, надо не описывать его, а указать его место в системе, отделив от других элементов. Большинство ученых под термином понимают «слово или подчинительное словосочетание», но в последние годы все чаще и чаще термин определяют как элемент терминологии. Это связано с попыткой отделить термин от других слов в языке, показать, что термин приобретает свои особые свойства только в рамках определенной терминосистемы. Например, К. Я. Авербух пишет: «В качестве ближайшего рода в дефиниции термина по традиции (...) называются „слово или словосочетание“, но если исходить из первичности целого (системы) и вторичности составляющих его элементов (терминов), то ближайший род окажется иным – это элемент (член) терминологии (терминосистемы) определенной предметной

области» (Averbuch, 1986, s. 45-46). Однако при таком подходе понятия *термин* и *терминология* определяются друг через друга. Второй недостаток подобного определения – терминами становятся всевозможные знаки и символы (Σ , ∞ , Π и др.), т. е. то, что традиционно называют номены – условные и абстрактные символы, чье назначение «состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» (Vinokur, 1939, s. 5). Если говорить о термине как единице лексики, то можно выделить три основных подхода к его сущности.

- 1) Неоправданно широкий подход: термин – любая лексическая единица, которая выполняет номинативную функцию. Примером может служить прочно вошедшее в научный обиход выражение «термины родства».
- 2) Узкое понимание термина – это слово или словосочетание, выражающее только специальное научно-техническое понятие. «Термин – это слово (или словосочетание), являющееся единством звукового знака и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники» (Kijak, 1989, s. 7). В чешской традиции этот подход отражен и в одном из самых новых словарей (*Nový encyklopedický slovník češtiny*): Termín: v teorii terminologie pojmenování pojmu v systému pojmů některého vědního n. technického oboru (NESC).
- 3) Центристский подход: термин – «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное (а не только научно-техническое) понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 5).

Первые две точки зрения представляются нам крайними, т. к. к терминам должны относиться практически все лексемы, даже носящие нелитературный характер (по первому подходу), или небольшой круг наименований научно-технических понятий.

Третий, центристский, подход свободен от этих крайностей.

1.6 Свойства и признаки термина

Считается, что «носитель языка интуитивно осознает терминологичность языковых единиц и уверенно дифференцирует терминологическую и нетерминологическую лексику» (Kobrin, 1997). Однако интуитив-

ного знания для научного познания недостаточно, поэтому необходимо выделить границу между общеупотребительной и терминологической лексикой.

Какие же признаки отделяют термин от обычного слова? По этому вопросу за последние десятилетия сформировалось множество точек зрения, зачастую диаметрально противоположных друг другу. У некоторых ученых даже сложилось мнение о том, что поиски «особых» примет термина бесплодны, либо таких примет не существует, либо их надо искать вне термина, так как в самом себе он их не содержит (Lemov, 2000, s. 50). Следует рассмотреть качества термина, отличающие его, по мнению разных лингвистов, от общеупотребительного слова, чтобы убедиться, являются ли они релевантными. С. В. Гриневым были составлены перечни различных характеристик термина на материале русских терминоведческих работ, наиболее полный список насчитывает 265 позиций (Grinev, 2001).

Обобщая исследования терминоведов, можно отметить, что системность традиционно рассматривалась как важный признак термина, в то время как вариантность (полисемия и синонимия) должны были быть устранены в результате стандартизации терминологий. Также в отношении терминов отвергались такие лингвистические явления как метафоризация номинаций, эмоциональный компонент значения, зависимость терминов от контекста, немотивированные термины и другие свойства. (Ikonnikova, 2014, s. 44).

Дискуссия о требованиях к термину связана с вопросом о статусе термина: имеет ли термин свойства обычного слова и лексическое значение, какова его связь с обозначаемым понятием определенной отрасли знаний. Если термин имеет некоторые характеристики обычного слова и развивается в соответствии с развитием системы понятий, обозначаемых им, то невозможно всегда соблюдать требования однозначности и отсутствия синонимии терминов (Ikonnikova, 2014, s. 48).

Мы рассмотрим самые часто встречающиеся признаки термина в работах русских и чешских терминоведов. Исследователи выделяют целый ряд таких свойств термина, которые условно можно поделить на несколько групп.

К первой группе относятся признаки, связанные со **значением термина**. Эти признаки, по распространенной в науке точке зрения, являются важнейшими: «в значении и только в значении знака (слова или словосочетания), принадлежащего какой-то области знания, заключается то, что делает знак терминологичным» (Šelov, 2003, s. 6).

Значение слова-термина соотносит его прежде всего не с отдельным предметом, а с их классом, рядом, типом (Golovin, Kobrin, 1987, s. 43).

Значение слова-термина соотносит его с профессиональным научным или техническим понятием без эмоциональности, экспрессии. В чешских работах также упоминается **отсутствие экспрессивности** – это требование связано с номинативной функцией термина. Термин должен называть предмет, явление, понятие, поэтому экспрессивная окраска крайне нежелательна.

Лингвистами постулируется способность термина быть объектом дефиниции, иногда даже потребность дефинирования: «если неизвестно определение, то неизвестен и термин, никакие связи слов, ассоциации тут не помогут» (Karapadze, 1965, s. 78). При практической деятельности наличие определения часто служит критерием для отнесения языкового знака к термину. Ср. «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения – тогда оно научный термин» (Šelov, 2003, s. 17); «Под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» (Kandelaki, 1977, s. 7). Хотя некоторые исследователи приводят пример терминов, понятных без дефиниции, напр., *геофон*: «можно, не заглядывая в словарь, предположить, что это прибор для записи звуков земли» (Lemov, 2000, s. 42), это не значит, что им дефиниция не требуется. Известны примеры ложно ориентирующих терминов. Например, термин *литературный язык* часто соотносят с понятием «язык художественной литературы», а не с кодифицированной, нормированной разновидностью литературного языка; термин *окончание* ориентирует нас на понятие «находящийся в конце слова», поэтому случается, что постфиксы ошибочно относят к флексиям. Многочисленные термины без определения могут быть неверно истолкованы. Наконец, возможно и использование одного и того же термина в рамках разных научных школ, что также приводит к сложностям в понимании. Этот признак является определяющим при вычленении терминов из текста, если слово (словосочетание) приводится в тексте с дефиницией. Хотя если дефиниции нет, это не значит, что данный языковой знак нетерминологичен.

«Значение слова-термина может подниматься на высшие ступени отвлечения от действительности и даже порывать связи с нею» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 43). Об этом свидетельствуют и авторы *Лингвистического энциклопедического словаря*, подмечая, что в основе термина часто лежит метафора.

Значение слова-термина допускает формирование индивидуальных, свойственных отдельным ученым понятий. Несмотря на это, многие ученые говорят об общепринятости термина (Lemov, 2000, s. 48).

«Значение слова-термина соотнесено с профессиональной деятельностью и поэтому требует освоения в сфере этой профессии» (Golovin, Kobgin, 1987, s. 43), но это не должно означать, что термин используется только в сфере профессиональной коммуникации.

Часть ученых полагает, что термин должен быть однозначным, но на практике чаще встречаются многозначные термины. В. Д. Табанакова объясняет сложившееся положение следующим образом: «Наличие нескольких определений – это, как правило, результат использования термина знака для названия специальных понятий, которые входят в разные понятийные системы и подсистемы. Терминологическая многозначность легко снимается, т. к. достаточно определить системы или подсистему, к которой термин относится, и в этой системе у данного знака будет только одно значение» (Tabanakova, 1982, s. 26).

В то же время известно, что одним из самых важных требований к терминологии является однозначность терминологических единиц. В исследовании, проведенном А. Б. Фогелем, рассматриваются разнообразные требования, предъявляемые к термину различными авторами. Сопоставляя точки зрения десяти разных исследователей за период с 1931 по 1995 годы, автор выясняет, что единственным требованием, называемым всеми источниками без исключения, является требование однозначности. Ему уступило даже требование системности, упомянутое на один раз меньше (Zimovaja, 2011). В последних работах появилась тенденция говорить не об однозначности как таковой, а об **относительной однозначности**, т. е. об однозначности термина в пределах одной конкретной терминосистемы. В чешских определениях термина однозначность занимает одно из лидирующих мест.

В отличие от русских коллег, чешские терминоведы, говоря об однозначности, очень часто оперируют также понятием **независимости от контекста**: «Na rozdíl od neterminologických pojmenování, která bývají často víceznačná a jejichž význam závisí na kontextu, v němž je jich užito, bývají termíny zpravidla jednoznačné, na kontextu nejsou závislé a dá se jich užívat i izolovaně» (Poštolková, 1983, s. 24). Значение термина не определяется контекстуально, оно заранее оговорено.

Ко второй группе относятся признаки, связанные с **понятийной стороной термина**.

«В отличие от обычного слова термин обозначает специальное понятие, которое отражает названный объект действительности во всей его полноте, в то время как обычное понятие является лишь обобщенным представлением объекта. (...) Представить специальное понятие – значит описать названный объект, т. е. перечислить все признаки этого объекта» (Tabanakova, 1982, s. 27).

Термин, обозначающий научное понятие, не рождается вместе с ним, как бытовое слово. Термин приписывается понятию и вводится для сокращения последнего, т. е. такое понятие находит свое выражение в специально созданных для данной функции словах (Lemov, 2000, s. 27).

Терминируемое понятие субъективно и личностно зависит от научной концепции, а также подвержено изменениям в связи с развитием науки и термина. Термины обусловлены понятийным (концептуальным) аппаратом наук, которые они обслуживают, закономерностями и процессами развития самих этих наук (Danilenko, Skvorcov, 1981, s. 10).

В чешских работах встречается и требование точности. Под точностью понимается отражение содержания называемого понятия, максимальная определенность, ясность выражения. В противоречие с этим требованием вступают синонимичные термины.

К третьей группе относятся **признаки формы, внешнего вида термина**.

Традиционно считалось, что в роли терминов могут выступать только субстантивы и субстантивные словосочетания: «Термин – это строго номинативная часть специальной лексики и фразеологии в форме имен существительных и словосочетаний на их базе» (Lemov, 2000, s. 38). Г. О. Винокур писал, что «глагольность как грамматическая категория действия в технической терминологии выступает не в форме самих глаголов, которые не могут быть выразителями логического субъекта, а в форме отвлеченных существительных, сохраняющих значение действия, но сочетающих его со значением абстрактной предметности. Разумеется, такие слова, как „закалять“, „обжигать“, „травить“ и т. п., обозначают распространённые технические процессы. Но терминологическими названиями этих процессов являются не эти глаголы, а связанные с ними отглагольные отвлеченные существительные – закалка, обжиг, травление» (Vinokur, 1939, s. 13). По-видимому, удобнее всего фиксировать термины в форме существительных, но надо признать наличие терминов-глаголов, прилагательных и пр. (напр., *выразительный, диакритический* – словарь Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой; *дифференцироваться, значить, возвратный* – *Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии* М. Г. Булахова, т. 1). А. В. Лемов замечает, что: «а) имя существительное выступает как категориальная база функционирующей терминосистемы; б) вне синтаксической и парадигматической связи с именем существительным несубстантивный элемент теряет свою терминологическую самостоятельность» (Lemov, 2000, s. 39).

Лингвисты предъявляют к термину требование краткости. Одни предпочитают однословные термины (Danilenko, 1977, s. 318), другие пишут о том, что составные термины вообще «противоречат духу науки»

(Lemov, 2000, s. 65). Однако практика показывает, что среди, например, лингвистических терминов преобладают составные. Б. Н. Головин объясняет это тем, что по мере развития науки возникает необходимость номинировать сложные составные понятия. «Термины-словосочетания обладают свойством „цельности номинации“ и соотношены с устойчивой, стандартно воспроизводимой структурой сложных профессиональных понятий» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 100).

В чешских работах нам встретилось еще одно свойство – **интернациональность**; во времена Й. Юнгманна при терминологической работе отдавалось предпочтение своим, национальным терминам, но в XX веке при упорядочивании и систематизации терминов приоритетными стали именно интернациональные термины в связи с их удобством при международном сотрудничестве.

В четвертую группу входят признаки термина с точки зрения **номинации**.

Системность термина считается одним из его важнейших свойств: системность представляется столь важной характеристикой терминологических единиц, что часто она указывается как важнейший признак термина, – признак, формирующий слово или словосочетание именно как термин. Системность является одним из наиболее важных условий существования термина. «Термин может существовать лишь как элемент терминосистемы, если под последней подразумевать упорядоченную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теории, описывающей некоторую специальную сферу человеческих знаний или деятельности» (Šelov, 2003, s. 84).

Доказано, что системность термина проявляется в двух аспектах: «как отражение системности понятий, обозначенных термином, и (...) как отражение мотивирующих словообразовательных возможностей слова-знака, являющегося термином» (Lemov, 2000, s. 43). Таким образом, системность проявляется не только на понятийном уровне, но и с точки зрения номинации. Термины с одинаковыми терминологическими элементами (например, термины **фонема**, **морфема**, **лексема**, **графема**; **антропоним**, **гидроним**, **топоним** являются однотипными относительно своего положения в системе терминологическими единицами).

Отличительным свойством термина также является **мотивированность**. Распространено мнение, что интернациональные термины, в отличие от незаимствованных, являются немотивированными. Но это не совсем верно, так как терминами пользуется относительно узкий круг специалистов, для которых эти заимствованные термины будут тоже мотивированными. В то же время некоторые термины с точки зрения синхронии утратили свою мотивацию (например, *предложение*, *приложение*).

Можно посмотреть на проблему мотивированности с другой стороны: «Термин в отличие от других слов возникает лишь одним способом – он создается, придумывается для названия специального понятия. Сначала появляется специальное понятие, а затем находится знак для его названия. В этом смысле термин вторичен и, следовательно, по сути всегда мотивирован» (Tabanakova, 1982, s. 26).

Конвенциональность, с точки зрения ряда терминологов (А. В. Лемов, Н. З. Котелова и др.), – это неперемное свойство термина. «Основное, неповторимое отличие термина – конвенциональность... Возможность субъективного начала в потреблении и образовании терминов, договоренности, условности вырывает этот языковой участок из объективной стихии языка» (Kotelova, 1970, s. 124). Конвенциональность распространяется не только на только что созданные термины, но и на уже сложившиеся, функционирующие термины. Но на практике выясняется, что это свойство – лишь желательное, потому что и без договоренности слово (словосочетание) может выступать в роли термина.

В работе *O české terminologii* Б. Поштолковой (1983) упоминаются еще два качества, рассматриваемых в паре. В русской терминологической школе этим качествам нет полного эквивалента, и им даже сложно подобрать адекватный перевод, это **ústrojnost (органичность или структурность)** и **úkonnost (функциональность)**. Под первым качеством понимается соответствие структуры термина нормам литературного языка, а под вторым проверенность термина временем, долговременное функционирование термина для нужд в специальной области.

Надо отметить, что рассмотренные нами признаки термина, как признают терминоведы, не всегда реализуются на практике, таким образом они являются качествами идеального термина. Но наличие таких требований важно для стандартизации терминологии, а проверка соответствия требованиям, предъявляемым к термину, помогает в каждом конкретном случае принять решение – термин перед нами или нет.

С нашей точки зрения, важнейшими отличительными свойствами термина являются: соотнесение значения термина с классом предметов, явлений; связь с профессиональным научным или техническим понятием, отсутствие эмоциональности, экспрессивности, системность, тенденция к однозначности в пределах терминосистемы, зависимость от научной концепции.

Как уже было отмечено выше, термин мыслится как элемент терминологии, поэтому необходимо определить, что стоит за этим понятием.

1.7 Понятия «терминологическое поле», «терминология», «терминосистема»

Термин **терминология** (terminus /лат./ – «предел, граница»; logos /греч./ – «слово, учение») понимается лингвистами неоднозначно. С одной стороны, терминологию определяют как совокупность терминов определенной области знания, с другой стороны, как науку о терминах. В последние десятилетия сложилась тенденция употреблять этот термин только в первом значении, а для науки о терминах Б. Н. Головиным и В. И. Петушковым было предложено название **терминоведение**.

Лингвисты не пришли к единому мнению в вопросе объема понятия терминология. Можно выделить три основные точки зрения на понятие *терминология*:

- круг терминов одной области, темы;
- совокупность слов, обозначающих научно-технические понятия;
- общая совокупность терминов всех областей деятельности. «Терминология – это соотнесенная с профессиональной сферой деятельности (области знания, техники, культуры, управления) совокупность терминов, связанных друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом уровнях» (Golovin, Kobrin, 1987).

Учитывая «рабочее» определение термина, наиболее когерентным представляется третий подход. На современном этапе в науке о языке для обозначения совокупности терминов определенной области знания используются слова *терминология*, *терминосистема*, *терминологическое поле* (*терминополе*, *T-поле*). *Терминологическое поле* определяется однозначно: «поле (Feld) для термина – это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» (Reformatskij, 1961, s. 51). Однако термин *терминологическое поле* встречается не так часто. Намного чаще в научной литературе встречаются термины *терминология* и *терминосистема*. Относительно этих терминов единства во взглядах нет. Приведем самые известные определения терминологии.

Г. О. Винокур определяет терминологию как стихийно сложившуюся совокупность терминов, отражающую исторический процесс накопления и осмысления знаний в определенной области. Терминология пополняется за счет общеупотребительной лексики и в свою очередь обогащает ее (Vinokur, 1939).

В. П. Даниленко считает, что терминология – это общая совокупность специальных наименований разных областей науки и техники, функционирующих в сфере профессионального общения. Исследователь также отмечает, что термину «терминология» соответствуют два понятия.

В узком понимании терминология – это совокупность терминов одной области знания, отражающая соответствующую совокупность понятий. В широком – общая совокупность терминов всех областей деятельности (Danilenko, 1977, s. 2-3).

С. В. Гринев рассматривает терминологию как совокупность терминов, используемых в определенной области знания (Grinev, 1993). Он также обращает внимание на сам термин «терминология», и считает его наглядным примером необходимости упорядочения специальной лексики. Терминовед пишет, что до недавнего времени этот термин использовался для обозначения трех разных понятий – не только в основном значении – «система терминов определенной области знания», но и в значении «вся совокупность терминов языка» и «наука, изучающая термины» (Grinev, 1993).

В чешских работах мы не так часто встречаемся с определением терминологии. В *Новом энциклопедическом словаре чешского языка (NESČ)* отмечается, что у слова *терминология* два значения: наука и группа, система терминов данной научной или практической (производственной, технической) области человеческой деятельности (напр., ботаническая, юридическая, лингвистическая).

Некоторые лингвисты разделяют понятия *терминология* и *терминосистема*. Сторонники разграничения этих терминов считают, что *терминология* – это естественно сложившаяся общность терминов, а *терминосистема* – специальным образом упорядоченная совокупность терминов.

Ряд исследователей (Д. С. Лотте, В. М. Лейчик, В. М. Сергевнина) считают терминологию более общим понятием, чем терминосистема, т. к. каждая терминология состоит из терминосистем. Для терминологии, по мнению В. М. Сергевниной, обязательны только экстралингвистические связи между терминами, тогда как для терминосистемы обязательной является взаимосвязь и на лингвистическом уровне (Sergevnina, 1981). В. М. Лейчик в своей книге *Терминоведение: предмет, методы, структура* (Lejčik, 2006, s. 106) подчеркивает, что терминология и терминосистема являются разными совокупностями терминов и что термины в терминологии получают свою терминологическую семантику, а в терминосистеме они обладают еще и другими свойствами, такими как системность, точность, однозначность и стилистическая нейтральность. На наш взгляд, имеет смысл обособление специально упорядоченной (при помощи терминоведов) совокупности терминов. Однако использование для ее обозначения термина *терминосистема*, возможно, не совсем удачно, поскольку ограничивает понятие системы в языке, на наш взгляд, возможно использовать термины *терминология* и *терминосистема* в качестве синонимов, а для того, чтобы показать, что терминология подверглась

специальной обработке, предлагаем пользоваться терминосочетаниями *упорядоченная терминология / упорядоченная терминосистема*. В защиту своего мнения можем добавить, что упорядоченность – качество относительное, поэтому сложно было бы определить, насколько надо упорядочить терминологию, чтобы она стала терминосистемой.

Понятие терминосистемы включает в себя множество специфических качеств. После анализа нескольких работ терминоведческой тематики нами были выделены следующие признаки.

1. Каждая терминосистема отражает категориальный аппарат, систему понятий конкретных наук, научных направлений, школ; существует прямая зависимость системы терминов от системы понятий. Некоторые лингвисты говорят даже о взаимозависимости системы и среды. В связи с этим часто известен автор термина или даже целой терминосистемы. Например, А. А. Барсов ввел в научный обиход термины *предложение, подлежащее, сказуемое, обстоятельство, согласование, управление*; Н. И. Гречу принадлежат термины *новостное, восклицательное, полное предложение*.
2. Системность. В 80-е годы было распространено мнение, что «та или иная система терминов (т. е. терминология) становится терминосистемой лишь тогда, когда она подвергается сознательному упорядочению и коррекции: терминолог создает дефиниции, предписывает связи между терминами, строит логические отношения» (Golovin, Kobrin, 1987, s. 78). Однако терминология системна, потому что системен мир, который она отображает. Системность научных понятий, их классификация определяют системность терминологии.
3. Иерархичность, проявляющаяся в соотносении ее элементов и в установлении между терминами родо-видовых отношений. Ступенчатая зависимость элементов терминосистемы выражена ярче, сильнее, четче, чем внутри лексико-семантической группы. В. М. Сергеевна отмечает, что «каждый элемент системы в свою очередь может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы» (Sergevnina, 1981).
4. Гетерогенность элементов системы: они должны отличаться друг от друга либо по форме, либо по содержанию, либо и тем и другим вместе.
5. Открытость границ терминосистемы. Одни элементы исчезают, появляются другие. Например, первоначально для обозначения понятия «предложение» использовались термины *слово, речь*. Только у А. А. Барсова впервые появляется термин *предложение* (для обо-

значения синтаксической единицы). Термины *слово, речь* в настоящее время вышли за рамки синтаксической терминологии. Надо отметить, что с развитием исследуемой области знания, в терминологии все больше закрепляются многословные термины (т. к. они выражают расчлененные, сложные понятия). Интересно, что дольше сохраняются в процессе развития терминосистемы однословные термины (Moiseev, 1970).

6. Целостность, т. е. несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функции и т. д. внутри целого.
7. Сочетание в терминологии функции коммуникативного обслуживания профессионально-трудовых нужд носителей языка (Golovin, Kobrin, 1987, s. 76) с номинативной, когнитивной и аккумулятивной функциями.

Важно также отметить следующие моменты.

1. Термин в пределах своей терминосистемы используется в прямом (номинативном) значении.
2. Термин становится термином только в рамках своей терминологии.
3. Семантические отношения, связывающие термины, являются общелогическими (род – вид, часть – целое, ассоциация), но индивидуальны в том смысле, что отношения связывают всегда конкретные термины конкретной терминологии (Golovin, Kobrin, 1987, s. 99).

1.8 Синонимия и вариантность терминов

Важным вопросом для терминологов является проблема разграничения терминов-синонимов и вариантов термина. Особенно остро эта проблема встает при выделении терминов в тексте, то есть при работе со сферой функционирования, а не сферой фиксации. Этой проблеме посвящено несколько исследований, среди самых известных стоит упомянуть работы таких ученых, как О. Вюстер, Д. С. Лотте, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, С. В. Гринев, Л. Б. Ткачева, В. А. Татарин, Ю. Н. Марчук, Е. В. Маринова и др.

Синонимию у терминов признают практически все терминологи (за редким исключением, см., например, А. Б. Бушев), терминам (как и словам общелитературного языка) свойственна синонимия, но терминологическую синонимию неодинаково оценивают лингвисты, термины-си-

нонимы понимаются по-разному. И если, говоря об общелитературных лексемах, большинство ученых сходится на том, что «синонимические отношения, реализуя тенденцию знака к асимметрии его сторон – означаемого и означающего, связывают слова одной и той же части речи, которые обладают тождественным лексическим значением или же близкими лексическими значениями. Синонимы относятся к одному и тому же денотату (и к одному и тому же сигнификату или же к близким по денотативной основе сигнификатам)» (Susov), то в случае с терминами-синонимами мнения разделяются. Так, по мнению В. П. Даниленко, синонимы – это слова «разнозвучающие, но совпадающие по значению или имеющие сходное, близкое значение» (Danilenko, 1977, s. 73). Б. Н. Головин определяет синонимию как совпадение по основному значению слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц, синонимы выражают одно понятие, различаются оттенками значения или стилистической окраской, или и тем и другим. Кроме того, они способны к взаимозаменяемости в контексте (Golovin, Kobrin, 1987, s. 53). А. В. Суперанская считает синонимами «знаки, максимально приближенные друг к другу вследствие сходства связанных с ними понятий и общности именуемых вещей» (Superanskaja, Podol'skaja, 2003, s. 49). Для Л. Б. Ткачевой синонимы – термины, «абсолютно тождественные в значении и взаимозаменяемые в любом контексте» (Ткачева, 1987, s. 123).

Ряд исследователей считает, что терминологическая синонимия – нежелательное явление или даже недопустимое, что она является показателем неупорядоченности терминосистемы. А. В. Крыжановская рассматривает ее как результат словарной избыточности. Л. А. Капанадзе считает, что в терминологии нет синонимов в том значении слова, которым обычно пользуются лексикографы, но есть терминологическая дублетность, терминологические дубликаты – явление принципиально отличное от синонимии. Под дублетами (триплетами и т. д.) обычно понимаются слова, которые объединяются особой терминологической соотносённостью с одним и тем же научным объектом. При этом соотносятся они не как слова, не как таковые, а только вследствие невозможности обнаружить существенное различие в обозначаемых ими объектах (Achmanova, 2004).

Другие лингвисты, напротив, рассматривают синонимию терминов как весьма распространенное и позитивное явление, доказывающее развитие терминосистемы, метаязыка науки, так как термины, называя одно и то же понятие, могут выделять разные его стороны, что важно для научного процесса. Так, например, Ю. Н. Марчук отмечает, что «такие семантические классы терминов, как синонимия, <...> имеют едва ли не большее распространение, чем соответствующие группы слов в общели-

тературном языке. Благодаря этим разрядам терминологических единиц выражаются многообразные логико-понятийные взаимосвязи в терминологии. С помощью множественности номинативных средств языка реализуется лабильность мыслительных структур» (Mařčuk, 2007, s. 144).

На практике терминоведы встречаются с проблемой отграничить термины-синонимы от терминов-вариантов. Разграничение осложняется тем, что у терминоведов нет единого мнения относительно синонимии и вариантности в терминологии. С. Д. Шелов в своей статье *О вариативности и синонимии в терминологии* концептивно выделил следующие подходы:

- 1.1. Вариативность и синонимия в терминологии полностью отрицаются (Е. Н. Толикина).
- 1.2. Терминологической вариативности и синонимии не приписывается какого-либо точного терминологического значения, что позволяет говорить об одних и тех же явлениях то как о синонимических вариантах, то как о вариативных синонимах (вариантах-синонимах) (В. П. Даниленко).
- 1.3. Различие между вариативностью и синонимией терминов (не обязательно подразумевающее их взаимное исключение) постулируется, однако выяснить, в чем же оно состоит, не удастся (И. М. Жилин, И. И. Михина, Н. А. Шурьгин).
- 1.4. В некоторых случаях терминологическая вариативность допускается и составляет предмет исследования тех или иных работ и при этом она трактуется как явление более общее, чем синонимия (В. М. Лейчик, Ю. В. Сложеникина, В. А. Татаринов и др.).
- 1.5. В других случаях терминологическая вариативность допускается и, образуя предмет исследования, она трактуется как явление более частное по сравнению с синонимией (С. В. Гринев-Гриневич).
- 1.6. Некоторая часть исследователей вообще не видит возможности устанавливать родо-видовые (гиперо-гипонимические) отношения между синонимией терминов и их вариативностью, полагая, что это – явления разного порядка (Е. А. Иванникова, Е. В. Маринова) (Šelov, 2014).

При этом, даже придерживаясь сходных взглядов на соотношение терминологической синонимии и вариативности, ученые могут выделять разные типы вариантов и синонимов (см., например, подробный анализ Složenikina, 2015).

В чешских терминологических работах не было такой широкой, массовой дискуссии о различиях вариантности и синонимии, типах синонимов и видах вариантов. Термины *дублет*, *синоним*, *эквивалент* разграничились, но речь шла о языковой синонимии, вариантности, дублетности

в целом, а не применительно к терминологии. Напр, ст. *Lexikální ekvivalenty, dublety a varianty* Й. Грбачека (Hrbáček, 1974).

В нашей работе мы будем придерживаться концепции С. Д. Шелова, изложенной в уже цитируемой статье. С. Д. Шелов видит решение проблемы вариативности в следующем: а) терминологическая вариативность существует только на уровне слов и словосочетаний; б) вариативность и синонимия – явления разного порядка; в) терминологическая синонимия, полисемия и омонимия объясняются лексической синонимией, полисемией и омонимией в рамках общего языка; г) дублетность – частный случай синонимии (данный термин соответствует понятию эквивалентности у Гринева-Гриневича); д) терминологическая эквивалентность основана на идентичности денотатов; е) терминологическая вариативность – «соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, обусловленную определением (толкованием или объяснением) одного из них, а понятийное содержание остальных терминов может быть объяснено преобразованиями (трансформациями) языковой структуры этих терминов как производных от того, который имеет определение (толкование или объяснение)» (Šelov, 2014, s. 11-12). При этом, как замечает автор, вариативность может быть формально выражена всеми возможностями фонетического, графического, морфологического, словообразовательного и синтаксического варьирования терминов и в определенных случаях совпадать с синонимией, а терминологическую полисемию следует считать полисемантической вариативностью (Šelov, 2014, s. 8). Наконец, С. Д. Шелов вводит понятие категориального варианта термина – вариант термина в виде категориально различной формы (Šelov, 2014, s. 15).

Среди описываемых нами терминов встречаются как варианты терминов, так и синонимы. К вариантам можно отнести *skladební dvojice – skladebná dvojice, второстепенный член предложения – второстепенный член*, потому что термины отличаются друг от друга формально, это разница в структуре, но эти структурные модели или выражают одно и то же значение (в нашем случае определительное) или это корреляция полной и краткой формы. К синонимам отнесем пары *главные члены предложения – грамматический центр, второстепенный член предложения – зависимый член предложения, přísudek – predikát*, потому что у терминов разное лексическое наполнение.

1.9 Выводы

Подводя итог, выделим основные положения, на которые мы будем опираться в дальнейшей работе.

1. В качестве «рабочего» определения термина мы воспользуемся дефиницией Б.Н. Головина: термин – это «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное (а не только научно-техническое) понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними».
2. Признаки, помогающие отличить термин от нетермина, касаются значения, внешней формы, обозначаемого понятия и самого принципа номинации.
3. Термин выполняет терминологическую функцию только в рамках соответствующей терминологии.
4. Сначала появляются термины речи, если они удовлетворяют специалистов, пользующихся ими, они закрепляются, становясь терминами языка.
5. Считается, что при упорядочивании терминологии появляется терминосистема. Однако сложно определить меру упорядоченности некоей совокупности терминов, поэтому четко разделить, где проходит граница между терминологией и терминосистемой, очень трудно. Мы будем использовать термины *терминология* и *терминосистема* как синонимы, для обособления специально упорядоченной (при помощи терминоведов) совокупности терминов будет использоваться терминосочетание *упорядоченная терминология*.